

● СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Аргументы и факты-1991-ноябрь-41-сб
Певица в мирской суете

Ирину Понаровскую мы привыкли видеть на сцене. А какая она в жизни?

— Ирина, ваши поклонники, пожалуй, знают о вас все...

— Поклонники иногда знают обо мне такое, о чем я сама даже не догадываюсь. Приходится только удивляться их фантазии.

— Тогда мы, наверное, не станем говорить о том, что выросли вы в ленинградской музыкальной семье: папа — виолончелист, мама — пианистка, о том, как вы учились в музыкальной школе и консерватории фортепианной науке, как начинали петь в ансамбле «Поющие гитары»... Скажите, а что за человек Ирина Понаровская?

— О себе трудно говорить. Ну, я не весельчак. По темпераменту скорее меланхолик. Но с характером. Когда я начинала петь семнадцатилетней в «Поющих гитарах», я была забавной толстенькой девушкой, склонной к еще большей полноте. Пришлось взять себя в руки. Ограничениями и лишениями обрела со временем достаточно стройную фигуру.

Тот, кто знает меня по сцене, думает, наверное, что я — светская, пышущая благополучием дама, жизнерадостная и невероятно активная. Но... я люблю одиночество. Люблю дом — просто стены, люблю украшать его — составлять икебаны, шить занавесочки, салфетки, рюшечки.

— Насколько я могу судить, зрительницы сходят с ума от ваших элегантных сценических костюмов. Сами шьете?

— Для себя могушить что-нибудь простенькое, домашнее. А сценический костюм — вещь сложная, и без помощи модельеров обойтись трудно. Но при-

думываю костюм сама. Модельеры — Элеонора в Санкт-Петербурге и Лидочка в Москве — помогают воплотить в жизнь задуманное. Вообще эстрадный певец — сам себе сценарист, режиссер, костюмер. Ведь певец не просто одевается — он создает Образ.

— А чем вы угощаете друзей?

— Выбор у нас сейчас не безграничен. Омары, устрицы, спаржа и прочие деликатесы в меню не значатся. Если удастся достать курицу — готовлю курицу в молочном соусе (если и молоко успею купить), когда раздобуду мясо — делаю мясо по-кавказски.

— А что-нибудь фирменное в меню есть?

— Есть одно блюдо, которое, как говорят, у меня получается фирменно — жареная картошка.

— Эка невидаль!

— Нет, правда. Очень вкусно. И главное — неповторимо. Берутся другие тут же приготовить — картошка как картошка.

— Ира, не в обиду другим артистам — вы хорошо говорите. Откуда это?

— Я стараюсь следить за своей — и не только своей — речью и просто болею, когда слышу, как люди разговаривают.

Поэтому я повторяю сыну, у которого часто слова опережают мысль: «Не спеши! Сначала подумай, а потом скажи то, что хочешь сказать». Ведь красивее русского языка нет ничего! Правда, я еще люблю французский за его музыку.

— Вы знаете французский?

— К сожалению, нет. Бабушка — наполовину немка, наполовину поляка, разговаривала со мной по-немецки. А сын серьезно занимается английским.

— И русским — с вашей помощью?

— Да. Он, сидя у телевизора, удивляется: «Мама, почему они говорят: «сформировать», «Воротникоу», «делекация»? Это же неправильно!».

— У вас один сын?

— Есть еще две крестные дочери.

— А вы верующая?

— Да. Моя вера началась с того, что я бегала в соседнюю церковь слушать хор. А хор был — ни больше, ни меньше — из Кировского театра, из Мариинки. Потом заинтересовалась иконами, обрядами. Правда, крестили меня уже взрослой. Сына к вере не принуждаю, но он с удовольствием читает детскую библию...

Сейчас, когда любовь к церкви стала повальной и не совсем искренней, я стараюсь не афишировать свои взгляды. Вера ушла вглубь. Неприятно, когда спекулируют на святом.

И. КАБАК.